

Петя и Эмма

Есть люди, которые до скончания так ни разу не услышат своего отчества, как наш Петя. Петя - и все. Омикроскопили и законсервировали. Рыжий мальчик - Петя. И рыжий старик - Петя. Почему - лишь Петя? Глупый? Нет. Смешной? Нет. Потому Петя, что - добрый. Мягкий, человечный, искренний. Это с любовью к нему, долгой и неизменной, на селе - Петя... Даже фамилию его забыли. Жenu его не знают как звать, а он - Петя. Детей его не знают как звать, а он - Петя.

Недавно Пете справили в колхозе юбилей: Петя ровесник Великой Октябрьской революции, чем сильно гордится, и к 70-летию, ее и своему, готовился неторопливо, глубоко и достойно. Петя работает и сейчас, как более полувека назад, истопником в главной районной бане. Аккуратно накаливает печь, следит за равновесием парового давления и чистотой в котельной. Петя любит порядок и покой.

За хорошую работу имеет несколько юбилейных медалей, около ста похвальных грамот, правда, так или иначе, привязанных к разным юбилеям: то - юбилей обкома, то - горкома, то - милиции, то - пищетреста, то - дикторши, Эммы Сысоевны, выбившейся в люди из низов города Гвардейска. Ее тридцатилетие отмечали громко, массово, как с трибуны сказал партийный секретарь Сергей Сергеевич Сергеев.

Секретарь посожалел, мол, если бы Эмма Сысоевна была бы еще и не Сысоевной, а Сергеевной, то партия относилась бы к ней более, так секретарь пошутил, родственно, как дочку обожала бы ее, хотя, мол, Эмма Сысоевна, капля от капли, плоть от плоти, советская, дикторша гвардейско-ленинской школы, начнет говорить - доведет, мол, до конца честное идейное дело!..

Секретарь вручил на празднике очередную похвальную грамоту и яркий медный значок Пете за примерный труд. Поблагодарил. На похвальной грамоте изображена Эмма Сысоевна, перед микрофоном, а дальше - Кремль, башни, звезды,

самолеты-перехватчики и красное миролюбивое зарево беспощадной борьбы за мир.

Сколько ни вручал Сергей Сергеевич Сергеев Почетных грамот Пете, ни разу Петю не поцеловал, суровый марксист. А вручил от имени трудящихся Гвардейска жемчужное ожерельице Эмме Сысоевне - впился в губы своими и затаился, азиат, будто где-то за углом комсомольским цапнул и мнет дикторшу, или в личном кабинете, когда никого близко нет, телефоны молчат, а со стены мудро прищуривается единственный вождь, Владимир Ильич Ленин, кристальной нравственности человечище и пролетарский наставник.

Петя не дурак, зачем ему жемчужное ожерельице, да еще и от имени трудящихся Гвардейска? Носи да оглядывайся... А похвальные грамоты кому нужны? И хулиганы их не возьмут, и трудящиеся за них не осудят. И Петя на банкете чмокнул в ладошечку Эмму Сысоевну, припомнил ей, как в детстве за ней бежал красный петух по проулку, с твердым намерением клюнуть ее: Эмма с ним не поделилась булочкой, но Петя отогнал задиру, а крохотная Эмма прижалась к Пете и залилась, тогда еще непорочными слезами.

Петя не мог предположить: сколько красных петухов, потом, гонялось и теперь гоняется за Эммой, но Эмма Сысоевна давно не крохотная девочка - вертит высокими петушиными гребешками, как микрофоном на экране, и юбилей, лучший женский юбилей, справляет среди земляков. Хотя юбилеи - холера, трясет ими нашу великую державу и окольные страны, но не Эмма Сысоевна и не Петя их придумали. Есть такие юбилеи и такие юбиляры - золотой звон стоит в Кремле и спать Ленину в Мавзолее мешают.

Так впился-то Сергей Сергеевич Сергеев, горкомовский секретарь, впился, а вытянуться из губ Эммы Сысоевны никак не может. Не может или Эмма не готова его ослобонить, или заклинился, а народ в зале живой, кто хихикать, кто сочувствовать, а тут, дура, жена секретаря, между прочим, тоже секретарь, но не горкома, а хозплемпартбюро, и махни на сцену: - Хватит поздравляться, программа "Время" окончилась!..

Но спас положение второй секретарь, обязанный присматривать за состоянием первого. У них там первый - за вторым, второй - за третьим, и обратно, третий - за вторым, второй - за первым, а за Эммой Сысоевной - строем: первый, второй, третий, это и выдернуло жену Сергея Сергеевича Сергеева на сцену, партийная принципиальность выдернула

ее.

Дикторша ответила на вопросы. Разъяснила основную международную заботу - партнерство между СССР и США, военное корректное сношение между СССР и США, никаких соцсоревнований между СССР и США, никаких идейных битв между СССР и США, а им и нам велено верить в бога и посещать храмы в городе Гвардейске и продолжать уценять Ильича. На вопрос о летающих тарелках Эмма Сысоевна ответила так:

"Тарелки летают разные. Треугольники. Квадратики. Тюбики. Смотреть на них разрешается, а в гости приглашать не рекомендуется: свои тарелки на кухне не хуже американских у тех, кто предан Родине и партии!" - оглушила она секретарей...

Кто-то в грое оваций и благоухания сунул Пете в президиуме цветы и шепнул с угрозой: "Встань, балда, и поклонись дикторше от рабочего класса!". Петя и выполнил. И уже ехал на банкет в машине, впереди, рядом с шофером, а сзади - Эмма Сысоевна, возбужденная успехом, и с ней Сергей Сергеевич Сергеев. За ними - черная "Волга" второго, за вторым - черная "Волга" третьего. А чины, на подхвате, пасут третьего, за третьим - черная "Волга" начальника милиции, за ним на черных "Волгах" директора, депутаты, контролеры и прочие кассиры и продавцы из КГБ, циркачи ненасытные...

За столом дикторша быстро захмелела и, боясь жены секретаря, партийной супруги Сергея Сергеевича Сергеева, двуногой прялки, брызжащей, хватала Петю за коленку и несла чепуху:

Я трудилась на заводе

У дедушки Володи,

А у дяди Пети

Отдыхала в декрете!..

Петя не стерпел издевательства и покинул банкет. Говорят, дикторшу и ее свиту на "Икарусе" отправили в Москву, ей и ее товарищам сунули на дорогу по жареному цыпленку. А Петя с тех пор отказался получать грамоты и пить и закусывать на политических банкетах - как бы отошел от общественной деятельности и зажил незаметно, по-человечески, без шума и помпы.

Петя интеллигентный человек и технически грамотный: топку раскочегарит, ежели вдосталь самосвал вывалит на снег, зимою, кемеровского угля ему. Кемеровский уголь не чета донецкому, черному и тающему, кемеровский уголь чист, яйцо к яйцу вроде, и заложил его Петя посуровее в топку - Эмма Сысоевна разденется догола, как, Петя предполагает, на пляже в Сочи или в коктебельном Крыму.

Петя про себя вернулся к детству. И что петух? Ключнул ее - она же и выздоровела. А Петя припомнил иное: Эмма, в пионерках еще, с кумачовым галстучком на шее, курица любопытная, в заречном лагере, лишь проиграет вечерний горн, внезапно врывалась в шалашики и в палатки к детям и дотошно пыталась: "Э, что вы тут спрятались, как лежите, бу?"..

Петин младший приятель, верзила Ефим, вожатый, поколотил Эмму легонько за ее капризные штучки. Эмма приставала к ровесницам: "О чем тебя, Маша, просил Сема, б-бу?".. Ее сторонились пионеры, вожатые и приятельницы. А она обороты набирала и кичилась: считала - робеют и заискивают перед нею, перед ее сметкостью и ее одаренностью, данною ей свыше на процветание человечества.

Петух знает, за что клевать, напрасно не ползет в скандал, разумная птица. Про Эмму Сысоевну в районе московские слухи из конторы в контору червями переползали: якобы

Эмму на бронированном автомобиле к Леониду Ильичу Брежневу подавали, Ильичи-то, этот и тот, не отворачивались от обнаженных кенгуру. А Брежнев - подавно. Сладостенно.

И в самый расцвет семидесятипятилетия генсека подали, и опять - к юбилею, Эмму, а он помотал, якобы, помотал мордую важною да и брякнул опрометчиво: "А где Эмма?".. А та: "Я и есть Эмма!".. А он: "А я решил, вы Эммина мама, вы же Эмма Сысоевна, ну Эммина мама, вы хорошо сохранились. Привет Эмме!"..

Эмма расстроилась. Неделю глотала, через час и пятнадцать минут, таблетки от гипертонии, а на следующей неделе погостила на малой родине у секретаря горкома Сергея Сергеевича Сергеева и повеселела. Сергеев Сергей Сергеевич шепнул ей на матрасе: "Ты в Кремле первая леди и у нас в Гвардейске первая леди, но к генсеку я тебя не ревную: партия не дает мне подобного права!" Эмма и задрала нос.

Эмму Сысоевну выдвинули в верховные депутаты, а Петя, вспоминая про петуха, бежавшего с твердым намерением клюнуть девочку, иногда вслух сомневался: "А, может, пусть бы петух ее и клюнул?"

На экране же Эмму Сысоевну Петя видеть больше не мог. Только она начинала поскрипывать телевизионным капроновым языком и подергивать гордо микрофонным собачьим носом, Петя выключал гавкающую машину, если это случилось летом, и шел ко мне.

Рыжий, медленный, добрый, Петя сидел на ветхом крыльце и выплескивал обиду.

"Ну, поучился, ну, семилетку закончил. А куда ни ткнусь перед войною, кругом депутаты. Дикторов тогда еще не было на экране... Ну, воевать взяли. Куда ни ткнусь - кругом оккупанты. В Киеве - оккупанты. В Минске - оккупанты. У Москвы - оккупанты. На Волге - оккупанты. Эх!.. А с нами - Сталин. И - Ленин в Мавзолее лежит, эх!..

И прежде чем укрыть в могиле

Навеки от живых людей,

В Колонном зале положили

Его на пять ночей и дней...

И потекли людские толпы,

Неся знамена впереди.

Чтобы взглянуть на профиль желтый

И красный орден на груди.

Текли. А стужа над землею

Такая лютая была,

Как будто он унес с собою

Частицу нашего тепла.

И пять ночей в Москве не спали

Из-за того, что он уснул.

И был торжественно-печален

Луны почетный караул.

Петя после чтения делает паузу: "Эх!"

- Инбер, - заключаю я, - Инбер!

- Кустарник? - уточняет Петя.

- Не кустарник, а стихи Веры Инбер, поэтесса, Вера Инбер!..

Петя мрачнеет:

- Дикторша, поэтесса, похвальная грамота, котельная, секретари, а я Петя... Дай чуток выпить!

Я наливал Пете стаканчик.

- А ты об Ильиче пишешь?

- Нет, писал...

- И-и-х! - Петя, хмелея и горяя, доверялся мне:

- Я бы разобрал Мавзолей. Перевез кубы гранита на лошадях или на машинах за Москву. Нашел бы холм и на нем бы собрал Мавзолей, в точности, каким он есть. Положил бы на прежнее место Владимира Ильича. И всех его соратников и родных, друзей и сослуживцев, продолжателей и корифеев: Троцкого, Сталина, Дзержинского, Свердлова, Менжинского, Ягоду, Калинина, Ежова, Берию, Кагановича, всех, сколько их там, Засуличу, Ворошилова, Микояна, Горбачева, там он или не там, Хрущева, Фурцеву и Клару Цеткин, Ельцина, там он или не там, - всех заселил бы возле Мавзолея, вблизи Ильича, как есть!

- Зачем?

- А зачем переименовывать? Хочешь знать свой наивный или свой мудрый народ и его настоящих лидеров - поезжай на трамвайчике к Савеловскому вокзалу, а там, на такси, до холма, гляди, радуйся, кайся, зеленой, бледней, как тебе удобнее, так и воспринимай, но Кремль - Кремль, Москва - Москва, не смей трогать и переименовывать. Эх!..

- Пожалуй.

- И не бранил бы я никого, не печатал бы об этом в газетах, запретил бы визжать об этом Инберу и дикторше, Эмме Сысоевне, и секретарям. Молча перехорони, молча. Жуть, опять похвальба: Ленин плохой, а я, секретарь, я, Инбер, я, дикторша, хорошая?

Я наливал Пете еще. И Петя, окончательно уважив меня, брал под локоть:

- Ну, разве все, кто Ленину верил, идиоты, преступники, а? Вот ты, идиот? Преступник? А я, учил в детстве о нем песни, идиот?

Петя углублялся в текущую ситуацию и хлопоты:

- Урожай на полях под Гвардейском гниет, кто виноват, царь? Ленин? Мы? Кто? Эх! А за расстрелянных один Сталин виноват? А за бедную Россию царь не виноват?.. Потому и на другом холме, напротив, я бы похоронил безвинных, погибших, оклеветанных и других, зря убитых. А над ними, над ними, над двумя холмами-то, я бы вознес, черный, черный, грустный, грустный, аж страшный, мраморный крест! Понял?

- Крест всему?..

- Всему крест, довольно, кайтесь, братайтесь и работайте! И пусть стоит этот огромный черный крест, а над ним черный колокол, и пусть он, черный колокол-то, - гудит над Россией, пусть гудит. Эх!.. - Петя тряс кулаком. И у себя, затащив меня во двор, лихо распахивал туалет, дощатое громоздкое сооружение: - Во-о! - Петя работал в

Гвардейске, а жил в деревне.

На щербатых, внутри, стенах, горбыльной уборной державно горели золотые буквы похвальных грамот: "Похвальная грамота" Воробьеву Петру Григорьевичу и "Похвальная грамота", "Похвальная грамота", "Похвальная грамота", "Похвальная грамота", заклеены стены и пол, и потолок, и порожек. Нельзя их, похвальные грамоты, подсчитать: много, стыдно считать. Не сортир, а огромный научный центр, с лекциями выступай, но где аудитория?..

А Петя смотрит на меня с необыкновенным простодушием:

И пять ночей в Москве не спали

Из-за того, что он уснул.

Спать нормально пора. Работать нормально пора. Да и жить нормально давно пора!

1990